

• Памятники Тверской провинции

Посвященный пограничнику

В этом году, в День пограничника 28 мая, во Ржеве, в парке воинов-интернационалистов, был открыт памятник пограничнику.

Место для установки памятника выбрано неслучайно. С 2016 года установилась традиция, когда в парке собираются ржевители, служившие в разные годы в пограничных войсках. Собственными силами они благоустроили территорию: установили пограничный столб, контрольно-следовую полосу, в 2017 году выровняли площадку и поставили пограничную вышку.

С инициативой создания скульптуры выступило общественное объединение ветеранов пограничных войск «Ржевская застава». Проект скульптуры разработали сами. Композиция изготовлена из гипса и цемента и покрыта специальным лаком. Скульптор - Виктор Макаров.

Гипсовый 2,5-метровый пограничник в советской форме времен Второй мировой войны держит в руках винтовку и штык, у его ног сидит собака.

«МНЕ УТРАЧЕННОЙ

ЖАЛЬ СТАРИНЫ...»

Светлана БОЛЬШЕНКОВА,

г. Нелидово

Родилась в Оленине. Журналист. Работает в районной газете. Пишет стихи, занимается декоративной росписью посуды из стекла и керамики, цветоводством. Автор поэтического сборника «Страница».

* * *

Одичав в деревенской глуши,
Отношусь к городскому с опаской.
Слишком в городе люд мельтешит,
И красотки пугают раскраской.

А в деревне поют петухи,
Босоногой заре сообщая,
Что свиданье у старой ольхи
Ей влюблённый апрель назначает.

Гость нестойкий, ручей-шалопай,
Пересыщен весеннею брагой,
Берега размывая, бурлит:
«Налетай!»,

Показной козыряя отвагой.
Ветер дерзкий призыв услышал –

Куролесить вдвоём веселее!
И безумствует юный нахал,
Рвёт покровы с небес не жалея.

...Как легко в деревенской глуши
Стать душой беззаботней ребёнка.
Лишь звенели б в кармане гроши,
Да мычала б в хлеву коровёнка.

НАСТРОЕНИЕ

Март на пороге. Стрехи
прослезились.
Вздыхает тяжело, оседая, снег.
А мне сегодня незабудки снились
И табуна гривастого набег.

Бесплотны и легки летели кони
По голубому полю в вышине,
Из-под копыт безжалостных в
ладони
Мне незабудки падали во сне.

Промчались табуны мечтой
крылатой.
В просторах неба не найти следа.
Весна, должно быть, в этом
виновата,
Что видится такая ерунда.

ДОВОЙ

Половица скрипнула легонько,
Закачалась штора на окне.
Знать, вернулся. Не было
долгонько.

Он ушёл как будто по весне.
Может быть, обидели случайно.
Ненароком бросили словцо.
Он ушёл и без него печально
Кошка Тома стережёт крыльцо,
Чтоб другой в избе не утвердился.
Нам другой не нужен. Был бы
свой.

Половица скрипнула. Вернулся.
Слава Богу, дома домовый.
(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).

ЛИХО

По деревне бродит Лихо –
Баба с мокрым подолом.
То ли осень, то ль бомжиха –
Злой судьбы своей портниха,
Для ночлега ищет дом.
Млеют в сумерках неверных
Окон жёлтые огни.
На душе темно и скверно.
Я впущу её, наверно.
Эта баба мне сродни.

* * *

Долгие провода – лишние слёзы.
Но ничего проверять не пришлось.
Просто ударило в сердце морозом,
Сил у тебя отогреть не нашлось.
Проводы длинные. Слёзы ненужные.
Как мы друг другу теперь далеки.
Нас развели с тобой сумерки
выюжные
На расстояние забытой строки.

ПУТЬ В НИКУДА

Жизнь пролетала в суете,
В погоне за куском к обеду.
И ты не замечал, не те
С тобою празднуют победу.

Жизнь подгоняла, ты спешил,
Не видя в суматохе этой,
Что против совести грешил
И песней пренебрёг неспетой.

Друзей оставил за бортом
Не корабля, а так – скорлупки,
И шалым мартовским котом
Всё догонял чужие юбки.

Любовь? Отложим на потом.
В нетрезвой похвалялся речи,
Что возведёшь дворец – не дом.
Куражился, расправив плечи.

А жизнь, она, как метроном,
Отщёлкивает дни, минутки...
Ну вот и темень за окном
Спешившей в никуда маршрутки.

РЕЧКА ДЕТСТВА

В брод пройду. Не по мосточку.
Речка детства моего
Через память ручейком –
В полусотне лет всего.

Всё в душе храню поныне,
Но сменила, пусть не враз,
Я на импортный «Мартини»
Деревенский хлебный квас.

Не зовёт в поля гармошка,
И рябины терпкой гроздь
Не положит на окошко
Из далёкой жизни гость.

В брод пройду. Не по мосточку.
За полсотню лет всего
Стала светлым ручейком
Речка детства моего.

MAME

Темны от времени кресты
На неухоженном погосте.
Вот. Дождались тебя не в гости,
Те, по кому скорбела ты.

Земля родимая, прими
Ту, что тебе не изменила.
Рыдает ветер над могилой,
Незамечаемый людьми.

Холодным белым полотном
Наутро снег на землю ляжет.
Ну, кто же мне теперь расскажет
О сновидении чудном?!

* * *

Памяти Петра Бобунова

Над стопкой поминальной водки
Осенний лист опишет круг.
Замрут у гроба одногодки.
Лицом немея, бывший друг,
Давным-давно уже прощённый,
Последнее шепнёт «прости»
И улицу немощёной
Пройдёт с тобою часть пути,
В толпе скорбящих неприметен.
Зыбучий сыплется песок
В часах, не бьющих на рассвете,
И нам отсчитывая срок.

* * *

Не поспеваю, хоть ты плачь.
За временем не поспеваю.
Оно куда-то мчится вскачь,
Я сзади еле ковыляю.

Постой, кричу ему вослед,
Ведь я так много не успела.

Издавека ловлю ответ,
Как приговор – мне нету дела.

РАСПИСАНИЕ

День уходил тягуче. Неохотно.
Законы мироздания смачно крыл
Сосед, что загулял бесповоротно.
Кобель цепной на ферме громко
ВЫЛ.

День уходил, цепляясь за макушки
Дождями обесцвеченных берёз.
И сокрушённо ахали старушки:
За жизнь таких не видывали гроз.

День уходил, минуты расставанья
 Стараясь оттянуть. Напрасный труд.
 Не удалить уже из расписанья
 Ни время отправления, ни маршрут.

* * *

Дождались, наконец-то, — зима.
Снег, морозец и солнца в избытке.
Вон искрится алмазов кайма
На уставшей от жизни калитке.
Белых шалей ажур на ветвях.
Снегирей яркогрудые стайки.
Эх, сейчас бы да в русских санях
С ветерком... Я скажу без утайки:
Мне утраченной жаль старины,
Обезлюдивших сёл позабытых,
И уже не искупишь вины
Перед тем, что беспамятством
СМЫТО.

...Снег. Морозец. Хрустально
звения,
Под ногой рассыпаются льдинки.
Что-то часто тревожат меня
Промелькнувшего детства
картинки.

* * *

В снежном бархате избушка,
Бусами – сосульки в ряд.
Ждут морозы на пирушки,
Вот – примерила наряд.

Ох, крепка в повадке женский,
Знает силу красоты.
И у бабы деревенский
Вдруг сбываются мечты.

(продолжение, начало в N19 (ноябрь) - №27 (июль);

Письмо двадцать пятое

В курятнике у меня цыплята-листопадники, то есть поздние – вылупились осенью, когда дело уже к зиме пошло. Восемь штук. Семеро нормальных, а один трясется весь, ножки рахитичные, крючками. Вроде и размером, как остальные, и ест хорошо, но все время качается, дрожит. На ночь семеро взлетают на насест, поближе к лампочке, а он, несчастный, сидит один в уголке. Мне говорят: зарежь ты его, не выживет, доходяга. А если и выживет, все одно – толку не будет. Но вот я смотрю на него и вижу: испуганные глазки, бесконечная тревога за свою жизнь... И невольно приходят мысли: ведь это же Божья тварь. Какие сложные процессы произошли, прежде чем появился на свет этот трясунок. Ноги, глаза, клюв, крылья, перышки... Мы привыкли, что так и должно быть: снесла курица яйцо, посидела на нем сколько положено – и вот, пожалуйста. А разве это не чудо? Если поглубже задуматься – чудо.

Не замечаем. Как не замечаем восходов и закатов. Спроси: во сколько сегодня такой-то сериал или выпуск новостей? Многие тут же ответят. На программу телепередач у нас условный рефлекс, как у собаки Павлова на звонок перед

приемом пищи. Семь часов – новости по НТВ. Восемь – по РТР. Девять – по Первому. И так далее. А спроси: во сколько сегодня взошло солнце? Каким был закат? В какой фазе луна? Кто ответит? Несем, как зашоренные лошади, что там мелькает слева и справа – некогда и незачем присматриваться. Вперед, по колее! Проверь каждый сам себя: что ты успел заметить и понять в течение дня, какими вещами ты меряешь свою жизнь? От зарплаты до зарплаты? От обеда до ужина? От пьянки до пьянки? От серии до серии? От звонка до звонка? Какие рубежи для тебя значимы? Подумай об этом – и, может быть, поймешь, куда движешься и где рискуешь оказаться.

Но вернусь к нашим цыплятам... Знаешь, у меня много книг по птицеводству. И все-то там исследовано, все расписано и даны все полезные советы – как кормить, как и когда резать. Все правильно. Но ведь надо взять нож или топор и собственной рукой оборвать чужую жизнь. И потухнут эти глазки, которые теперь смотрят на тебя со страхом и любопытством.

Конечно, эти мои мысли многим покажутся несусветной глупостью, интеллигентской рефлексией, городскими заморочками. Каждый найдет свое определение и, наверное, будет прав. Но вот ночью прижал морозец, поднялся я, пошел в курятник, проверить, как они там. Семеро – на насесте, греются у лампы. А в том углу, где укрывался мой трясунок, сидит вместе с ним курица-мать. И он ничуть не дрожит, согрелся у нее под крылом, только головка торчит. Глаза закрыты – покой и благодать. Живет, спит, и у него есть завтрашний день. И что же – резать? Зачем жалеть безмозглую курицу? Может, куриные мозги и в самом деле немного стоят, но ведь спустилась она с насеста, чтобы согреть свое ущербное чадо, укрыла его. А вот среди человече-

ских особей есть такие мамы, которые этого не умеют, не хотят... Сколько брошенных деток страдает в эту зиму по всей России от холода и голода. Кто их накормил? Кто их приютил? Все у нас вверх тормашками, шиворот-навыворот. Даже у православных в головах путаница. Да и многие ли из нас действительно православные?

Мы думаем, что если кладем на себя кресты и зажигаем в церкви свечи, то и хорошо, достаточно. Нет! И время показало: волна верующих нынче отхлынула... и на песке, как золотые крупинки, осталось «малое стадо». Господь отбирает своих, а мы никак не хотим видеть правду и все воротим от нее физиономию.

Раньше как было? Вокруг одного истинного подвижника Христовой Веры собирались послушники: один, через годы – второй, спустя долгое время – еще трое... Они копали себе землянки, но главное – молились, молились... И только потом строили часовенку, потом – храм... Потом – по необходимости и при увеличении числа монахов – возводили монастырские стены. То есть сначала духовный труд, а уж потом благоустройство. А что сейчас? Рвутся несколько человек отреставрировать огромный монастырь, а на службе в огромном храме едва наберется десяток монахов да еще пара трудников или кто из местных. Это все равно, что для защиты от врагов выстроить огромную крепость, а внутри от ворот к воротам будут бегать два ратника. Все перевернуто. Не за то мы хватаемся. Восстанови сначала душу, а монастырь Господь воздвигнет.

Пока каждый из нас не скажет себе честно: это я во всем виноват, это моя личная греховность и нежелание покаяться – причина всех русских бед, до тех пор

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

ничего не изменится. Пока трагедия бездомного ребенка не станет моей главной трагедией, не будет нам счастья. Пока не зададим себе всех беспощадных вопросов и пока не ответим на них, не будет нам достатка. Почему твои сын-дочь стали пьяницами и наркоманами? Наберись мужества и приди в церковь. Скольких грешников поставили на истинный путь наши святые. Никакое светское образование этого не сделает – от него, в итоге, одна головная боль.

За счет чего живет вся эта накипь - продажные чиновники, проходимцы? За счет торговли – бананами, нефтью, совестью... Перестань покупать то, чем они торгуют. Просто перестань – и все. Не бери и не давай взятки. Брезгуй отношениями с такими людьми. Коррупция - это чума, это сифилис. Беги от нее. Вот принцип. И начинай следовать ему прямо сейчас, а не откладывай до того момента, как провернешь очередное выгодное дельце. Боком выйдет тебе и это дельце, и вся выгода, полученная от него.

Хочешь быть здоровым и не скрипеть суставами? Перестань потреблять «гастроном». Господь дал тебе совершенное тело. Двигайся! Ходи пешком. Работай физически. Держи тело впроголодь. Какие же миллионы должны хапать все эти изобретатели-фармакологи, если могут годами оплачивать ежечасную рекламу. Аптеки все растут и растут, как грибы после теплого дождя, а здоровья у нас все меньше и меньше.

И под конец снова вернусь к нашим цыплятам. Расскажу тебе про своего, теперь уже покойного соседа. Сарай у него был не ахти какой, и вот ночью, когда ртутный столбик опустился до минус тридцати, одна из его куриц отморожила ноги. Остались култышки, торчат из брюшка две палочки, и как хочешь. Сосед всякую скотину держал, но сам никогда не резал. Не мог соединить в себе уход за животной и убийство. Всегда кого-нибудь звал. А тут эта беда с кури-

цей. Тяжело смотреть на такое убожество. Ну и бабульки наши запричитали: «Что ты яе держишь, горемыку? Руби!». А сосед: пусть живет. И вот уже соседа нет, а курочка та до сих пор ходит на своих култыпках и несется вместе со всеми. И как увижу я ее, так сразу соседа вспомню - добрый был человек.

Наверное, кто-то опять упрекнет меня в рефлексии и заморочках... Ну и ладно, я не в обиде. Обнимаю.

Твой Д.В.А. январь 2004

Письмо двадцать шестое

Уже много лет все думаю о том, почему же старость и юность никак не могут договориться? Почему существует проблема отцов и детей? Почему «если бы молодость знала, если бы старость могла»? И однажды понимаешь, что именно в этом противостоянии – причина многих наших бед. Всякий читающий и мыслящий легко обратит внимание на то, как из поколения в поколение «радетели» за прогресс и устроители земного рая настойчиво быют в одну и ту же точку: права детей! дорогу молодым! Кто бы с этим спорил – разве мы враги нашим детям, чтобы лишать их прав? Разве мы не желаем счастья нашим молодым? Но вот в чем дело: в речах «радетелей» вдруг обнаруживается, что главное право наших детей - это право жить, не оглядываясь на своих родителей. Мы - «поколение next», и нам, мягко говоря, неважно, во что верили отцы и деды, каких устоев держались матери и бабушки. Этот хлам нас совсем «не прикалывает». У нас свои кумиры, своя мода, свои понятия о том, как и чего. И создается впечатление, что в этом мире нет ничего постоянного - все преходяще. Но ведь это неправда.

Вот посмотри на старушку, которая сидит у окна, всеми «позабывта, позаброшена», смотрит на мир слезящимися, больными глазами: все не так - дети ее давно не слушают, внукам и вовсе никакого дела до бабки нет. Ведь с нее и взять-то нечего: пенсия маленькая,

живет в прогнившей хрущевке. Горько. Обидно. Хорошо, если такая старушка вспомнит, как, будучи комсомолкой, она сама резвилась лет пятьдесят тому назад. Как лихо отплясывала, как пела скабрёзные частушки, как лузгала семечки в сельском клубе, который устроили из бывшего храма. Как смеялась в ответ на укоризненные слова верующих стариков. Хорошо, если вспомнит и пойдет в церковь, чтобы покаяться. А ведь может и не вспомнить - заведет себе Жучку, объявит ее своим самым дорогим и близким существом, скоротает с ней последние годы жизни... в унынии, в обиде на всех и на вся... так и предстанет пред Господом. Разве, молодая и красивая, могла она помыслить, что ее ждет такой печальный конец? Разве могут помыслить об этом сегодняшние дамы и господа, такие продвинутые, такие успешные, такие разэтакие? Они пока не ведают про изматывающие старческие болезни, про бессонные ночи в тоске и в одиночестве. Чему учила своих детей бывшая плясунья и певунья? - Родишь одного, двух – и хватит. Думай о себе! Поживи в свое удовольствие! Чему учат своих детей теперешние дамы и господа? Да все тому же. Думай о себе! Делай карьеру! Возьми от жизни побольше! С таким наследием мы все обречены.

Новое время при отсутствии духовного стержня порождает прагматиков, дельцов, самоуверенных эгоистов. Они видят решение всех проблем в организации процессов, ресурсов, резервов, в целесообразном распределении финансов и так далее. Несчастные. Ни один из них не поднимает главного вопроса - зачем живём? Они недалеко ушли от коммунистов: те строили светлое будущее исходя из принципа, по которому «бытие определяет сознание», и теперешние строители - всё там же. Молодое поколение не заглядывает вперед, им некогда. «Америка - это здесь и сейчас». Не научившись у стариков, молодые не способны на глубокие раздумья, они не в состоянии осмыслить исторический опыт своего народа.

(окончание на стр. 5).

(начало на стр. 3-4).

Если корабль изношен, можно его почистить и покрасить, поставить заплатки и поменять название, но он все равно развалится на штормовой волне. Чтобы организм стал крепким и выносливым, его лишают тепла, удобств, добавляют нагрузки, приучают выносить удары, травмы, боль. А у нас все разговоры сегодня - жратва, удобства, комфорт. Чем суровее пища, тем лучше для желудка. Это все знают. Но тогда зачем деликатесы? Ради баловства? Те, кто пришли к власти, привыкли есть семгу и балык. Они считают, что счастье - это сытое брюхо, мягкая постель, быстрая езда на роскошной иномарке, красивая женщина, возможность покупать дорогие вещи... Им и в голову не приходит, что счастье находится совсем в другой стороне. Хотя, конечно, каждому свое.

«Memento mori» - «помни о смерти». Как будто все знают об этом предостережении древних мудрецов, но кто сделал его своим девизом? Счастье, - оно ведь не в том, что на столе у тебя всегда балык, семга и карбонад, не в молодой и красивой (уже третьей по счету) жене, не в иномарке, не в дорогих побрякушках. Счастье - внутри нас. Счастье - это душевный покой, надежда на спасение, примирение с Богом, любовь к Богу, к ближним.

Жизнь ладится у тех, кто ее строит в согласии с вековым опытом предков, верой православной, традициями своего народа, своей земли. Кто воспитывает своих детей на этом фундаменте, а не на чехарде образовательных экспериментов.

Есть вечные ценности, есть. Именно они и являются камнями в фундаменте счастья. И не надо ничего изобретать, все уже давно изобретено.

Дороги нет, хлеб в субботу не привезли. Грейдер увяз в снегу на обочине. Поэтому спешу отправить эти письма... с оказией. Известно, когда теперь представится такая возможность. А у вас там все кого-то куда-то выбирают. Ау?

*Твой Д.ВА.
февраль 2004*

Конференция во Ржеве

В Ржеве состоялась научно-практическая конференция, посвященная памяти Ивана Васильева. Она была приурочена к 95-летию со дня рождения талантливого писателя, публициста, лауреата Ленинской и Государственной премий.

Место проведения конференции было выбрано не случайно. В 1963-го по 1972-й год Иван Афанасьевич жил в Ржеве, работая собкором областной газеты «Калининская правда» по Ржевскому и Zubцовскому районам.

Расставшись с газетой, И.А. Васильев поселился в деревеньке Усть-Держа, расположенной на берегах Держи и Волги. Позже он напишет: «Усть-Держа... Светлое и печальное время мое... Если к

душе человеческой применимо выражение «качественный скачок», то именно здесь совершился переход в новое ее состояние».

В конце 70-х Иван Афанасьевич возвратился на псковскую землю, в деревню Борки Великолукского района. Построил жилище, написал в нем лучшие свои произведения, а на полученную Ленинскую премию возвел музей воинской славы и дом экологического просвещения. Сейчас музей носит его имя, а в Борках ежегодно проводятся праздники фронтовой поэзии, в которых принимают участие и тверские поэты.

Участники конференции тепло и сердечно вспоминали о литературном творчестве и других благих делах И.А. Васильева.

Форум тверских карел

В Весьегонском районе, вблизи деревни Перемут, прошел этно-форум тверских карел. Его организовали региональная молодежная общественная организация по сохранению культурного наследия тверских карел «Тверин Кариела» («Тверская Карелия»), Тверская национальная культурная автономия тверских карел, администрация Весьегонского района, областное отделение Международного общественного фонда «Рос-

сийский Фонд мира». Программа включала мастер-классы: изготовление домашнего сыра (сыроварение), ткачество традиционных карельских поясов, плетение из бересты, кухня финно-угорского народа «Сето», а также экскурсии, активные игры и многое другое. Для участия в форуме были приглашены лингвисты, этнографы, искусствоведы, режиссеры, кулинары.

ОТ ПРОШЛОГО – К БУДУЩЕМУ

ОЧЕРЕДНОЙ приезд в Андреаполь Игоря Михайловича Бутмана и Виктории Кирилловны Кушелевой, безусловно, явился незаурядным событием для маленького города. Саксофонист мирового уровня с группой музыкантов, виртуозно владеющих своим мастерством, дал здесь 3 июля благотворительный концерт. А тетя, член Союза художников России, представила выставку своих работ и подарила их городу. Их сердечно приветствовал глава района Н.Н. Баранник.

Оба гостя - прямые потомки местного дворянина А.А. Кушелева, чьё имя, как известно, легло в основу названия города. Виктория Кирилловна, сохранившая фамилию рода, - правнучка Андрея Андреевича. Игорь Михайлович – праправнук. Это, так называемая, «питерская ветвь».

В 2017 году андреапольцы, впервые встретившись с питерцами, имели возможность познакомиться и с представителями «веточки чилийской», уже посещавших Андреаполь в 90 е годы. На нашей земле и сошлись тогда не видевшие прежде друг друга потомки рода Кушелевых.

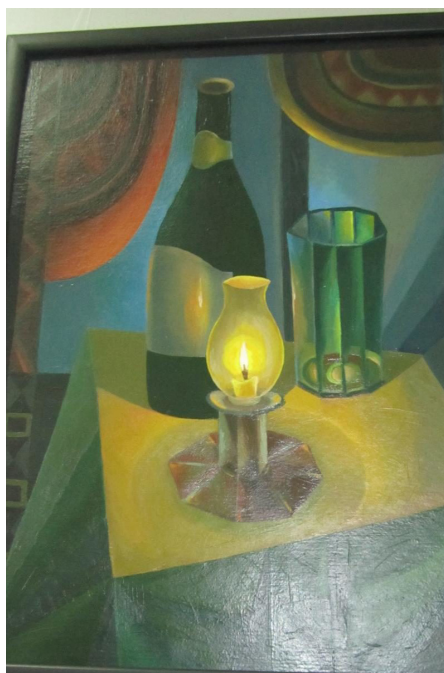
Понятно, что на двухчасовом концерте Игоря Бутмана, нашедшего в своем плотном гастрольном графике время для поездки в Андреаполь, зал был переполнен. Зрители каждый номер встречали овациями. Об этом музыканте говорят, что он каждый раз играет, как последний. Но залу казалось, что родина предков вдохновляла Игоря Михайловича на особые чувства, что это концерт для своих.

Открытие выставки работ

В.К. Кушелевой, подготовленной Андреапольским краеведческим музеем, тоже оказалось многолюдным. Были представлены керамика, графика, работы масляной краской в оригинальном стиле.

На следующий день в районной библиотеке состоялась встреча художницы с теми, кому хотелось подробнее узнать о ней и её творчестве. В основном, – это люди творческие. Среди присутствующих были и художники из соседних городов.

Высказав благодарность за теплую встречу, гости обещали приехать на следующий год более широким кругом. Так что андреапольцев ждут новые интересные встречи с представителями рода, оставившего заметный след в истории нашего края.

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Диана Мун

Тверская поэтесса и прозаик, автор трёх стихотворных сборников. Глава областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья». Публиковалась во многих коллективных сборниках и альманахах.

* * *

Колышется кипреевая пустошь
Под ритмы остывающих ветров –
Чей нрав был так горяч и
необуздан,
А нынче холод – в самое нутро.
Твоих звонков мне больше не
дождаться...

Мурашки пробегают по спине.
История на жалких пол-абзаца
О гордости, упрямстве и войне...
А пустошь поседеет. Разлетится
Повсюду мелкий августовский
Пух.

В системе, где нули и единицы,
Нелепо увеличивать до двух...

СЧАСТЬЯ ВЕРЕТЕНО

Ветер играет на дудочке сквозняка,
Гладит котя, сидящего на плетне,
Скрипом зеленоглавого сосняка
Тешится в вышине.

Трое мальчат – котомки наперевес –
Нечто им только ведомое тая,

Шустро летят вприпрыжку в
знакомый лес,
К лавочке у ручья.

Мелкий валежник будут тащить
гурьбой:
Сладостен и приятен совместный
труд.
Спички в кармане, радость всегда
с собой —
Значится — быть костру!

Воздух наполнит смеха медвяный
звон,
И запоёт стозвучьем душистый луг,
Дятел добавит ритма, его кахон* –
Старой березы сук.

И дотемна они просидят втроём.
В тёплую ночь бессонье — не мудрено.
Пряное лето крутит, не устаёт,
Счастья веретено.

*Кахон – ударный музыкальный инструмент.

Юлия Иванова

Член творческого объединения БЛК (Бежецк) и областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья». Обладатель приза симпатий «МК в Твери» IV Областного поэтического конкурса «Верхневолжье» (2017). Публиковалась в сборнике «Не бывает Родина малой» (Бежецк).

АВГУСТ

Лето уходит,
Рассвет пришивая к закату
Серую ниткой
Косых предосенних дождей.
Знаю,
Что это ещё повторится когда-то:
Всё будет так же,
Но я стану на год взрослей.
Август неспешный,
Подарками щедрыми сладок,
Хочет утешить:
Хорошее всё примечай.
Тёплый луч солнца,
Сев яблоку спелому на бок,
Тихо свернулся в клубок
И уснул невзначай.

ТИХАЯ МЕЛОДИЯ

Между ленточками радуги
атласными,
На припёке у согревшихся
каменной
Скрылась тихая мелодия, и
ласково
Напоёт её знакомый соловей.

Тронет клавиши нечастого
штaketника
Ломкой веткою брядина у ворот,
Но мелодия, такая незаметная,
Юркой ящеркой под брёвна
ускользнёт.

Исцеляются недуги небывалые
Ультразвуком свежей
радуги-дуги.
И в момент, когда отчаянно
устала я,
Говорю себе: на родину беги!

Там, в лесу, где всё родное и привычное,
Где листва уже – подзол и перегной,
В низких зарослях созревшего брусничника
Лопнет ягода натянутой струной.

• Литературное краеведение

ВЛАДИМИР СТЕПАНОВ

Родился 5 июня 1951 года в деревне Спирово. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Автор пятнадцати книг прозы, поэзии и публицистики. Победитель 5-го московского международного конкурса «Золотое перо-2008». За серию поэтических книг, в Некрасовской традиции раскрывающих образ современной России, удостоен Диплома лауреата Всероссийской премии имени Н. А. Некрасова в области литературы и искусства за вручением медали.

Последние годы работал и жил в Москве, но связи с малой родиной не порывал. Пешком, на велосипеде, на лодке, на мотоцикле он изъездил многие родные места. Впечатления от этих поездок легли в основу его книг.

Умер в апреле 2018 года.

ДУХОВНЫЕ СКРИЖАЛИ

Увези меня скорее в Русь
Из Москвы к Тверце, в её
 просторы,
Где ручьи с Тигомой в
 разговорах
Утолят мою печаль и грусть.

Как же бесприютно жить в
 Москве,
Хоть меня здесь сильно не
 прижали.
Я свои духовные скрижали
Разбросал по Тигме и Тверце.

« Я ЗНАЮ, ЧТО СТИХИ
МОИ ПРОЧТУТ... »

Но признаюсь, что ещё люблю
Я Москву, её мороз и холод:
Снег скребут киргизы поутру,
От Европы очищают город.

Мы вернёмся в Азию свою,
На Тверцу, Тигому, в русский
ХОЛОД.

МОИ ПЕЧАЛИ

Я думаю: меня зачали
В полях, а, может быть, в лесу
Под русским небом. И печали
Я в сердце до сих пор несу.

Не снятся города и страны.
Моя печаль – моя судьба.
На сердце прожитого раны
Ни бунт не лечит, ни борьба.

И никуда я не уеду,
Быть может, убегу в леса.
Тропой, проложенною дедом,
Свой путь пройду я до
конца.

РОДИНА МОЛЧИТ

Иду по родине, и слёзы на
глазах:

Лесов не стало, отчина в
кустах.
Кустами заросли твои поля.
Восстань, Тверщина, родина
моя!

Я словно пасынок в любимой
стороне.
Здесь холодно и бесприютно
мне.
Кто боль мою, как жажду,
утолит?
Кричи хоть криком – родина
молчит.

ПОКЛОН С ЗАХВОРОЩЁННЫХ МЕСТ

Владимиру Фомичеву

Привет тебе, мой
Север-Северище!*
Как у тебя, могучего, дела?
А ан Смоленщине сейчас
метели свищут,
Да и в Твери настали холода.

Романы пишешь иль ушёл в
поэмы,
Где «враг Руси по-русски
говорит»?
Всё так же не простил ему
измены?
Всё так же сердце по Руси
болит?

Привет, мой друг! Тебя я
обнимаю
И шлю поклон с
захворощённых мест.
Куда страна катится – я не
знаю,
Но вот в моей душе Сварог
воскрес.

*«Север-Северище» - роман В. Фомичёва

БЛАГОДАТЬ

Места здесь глухие, грибные.
Но как ты пробьёшься сюда?
То кочки — колдобины злые,
То ямы, то грязь, то вода.

Здесь тропы натоптаны лесом.
Вдруг заяц стрелой пролетит.
Тетёрка в песке у откоса
В порхалище вольно шумит.
Здесь ночью, наверное, бродят
Кикиморы и лешаки.
Меня то и дело заводят
То в чащу, то в топь у реки.

(начало на стр. 8).

Здесь глушь, тишина и
приволье.
Людского следа не видать.
Отходят и беды, и боли.
Вот это и есть благодать!

* * *

Когда умрёт полночная звезда,
А солнечное утро не
 воскреснет,
Грядущий день арбузом спелым
 треснет —
Не встретимся мы больше
 никогда.

Я образ твой в душе не
сохраню,
Как с плёнки, лик сотру, забуду
имя.
Несостоявшееся меж двоими,
Я счастье, как собаку, утоплю.

Но всё ж твоё прекрасное лицо
Я вспомню вновь, в другой
 любви сгорая,
Как ту берёзку – дочь тверского
 края,
Взбежавшую корнями на
 крыльцо.

* * *

На родине моей опять весна
И день длиннющий, словно ожерелье
На женщине любимой. Не до сна
Сегодня мне. Я вновь во что-то верю.

И воздухом любимой стороны
Не надышусь. Доверчив, как
котёнок.
Воспоминания нахлынули, как
сны,
И будоражит сердце смех
девчонок.

Я пьян весною, буйству трав я рад
И зрелых лет своих не замечаю.

Семнадцать лет мне или
 пятьдесят?
Я их транжирю, как цветы
 срываю.

* * *

Опять струится над бульварами
Весны шальная благодать.
Поэты не бывают старыми:
Весной семнадцать им опять.

Поэты умирают юными,
И в пятьдесят, и в шестьдесят.
Не суждено им быть угрюмыми
И вечность дряблостью
встречать.

Поэты гибнут, как комарики,
Влетевшие в огонь костра.
Им просто жить на этом шарике
Уже нельзя. Им в путь пора.

* * *

Мне жить осталось очень мало.
Я потому порой грущу,
Что, не дойдя до перевала,
Всё дорогое в миг спущу.

Все прежние мои удачи –
Они, как замок из песка.
Я по себе уже не плачу.
Иначе жизнь – одна тоска.

Сижу и греюсь у лежанки.
Дрова стреляют. Жар палит.
А под столом ещё полбанки
И шука на столе лежит.

Я на Тверце её защучил.
Пожарил. Грудую куски.
Сижу один – себе друг лучший –
И никакой тебе тоски.

Никто меня не беспокоит,
Никто в окно не постучит.
Мне хорошо. Душа не ноет
И сердце наконец молчит.

ЗАВЕЩАНИЕ

В зените жизнь. Последний
 пройден круг
Борьбы за жалкое
 существование.

[illegible]

Пора итоги жизни подводить.
Как много за бортом её
осталось!
В полвека – жесточайшая
усталость
И на глазах тончает жизни
нить.

Ей оборваться – пара пустяков.
Мои любимые потом заплачут.
На слёзы их конём – не старой
 клячей –
Заржу я весело из глубины
 веков.

Я знаю, что стихи мои прочтут
Не те, кто нынче бредит
заграницей,
А те, которым вечно будет
сниться
И русский лес, и русский
Бежин луг.

Для них пишу и верю, что во
 мгле
 Они моё простое имя вспомнят.
 И вновь я, словно крест на
 колокольне,
 Взмечусь. И дождь проплачет
 обо мне.

* * *

Даруй, Свароже, мне чарующий
конец —
Ведь грешен я, но не грешнее
многих —
Останови мой бег на полдороге,
Сними с души смятения
свинец!
Плесни мне в чарку водки под
конец!

«...И ОПЯТЬ В ЭТОТ МИР ВЛЮБЛЕНА»

Размышления о лирике

Людмилы Прозоровой

«**Р**УСЬ ты моя безоглядная, // Всё не туда и не так! // Что ж ты такая нескладная... // Церковь, острог и кабак» – эти строки Людмилы Фёдоровны Прозоровой (1935–2011) больше всего натягивают ту единственную струну в душе, которая вновь заставляет мучительно думать о России и, как в первый раз, ощутить горько-сладкое счастье быть русским человеком.

Её дебютный сборник «Удивление» вышел в 1981 г. в Москве, в престижном издательстве «Современник». И хотя он насчитывал всего 60 страниц, самобытность мироощущения, искренность переживаний, «неуёмность русского характера» тверского поэта отметил в предисловии маститый коллега по цеху Владимир Костров. И он был прав. Как сейчас многие экзальтированные феминистки (да и не только они) воспримут, скажем, такие строки: *Не женская эта забота: Свободой своей дорожить. В свободе есть грешное что-то... Свободою трудно прожить.*

А потом были книги «Цветёт полынь» (Москва, 1987) и изданные в Твери «Шестинская затворница» (2002) и «Ау...» (2010). В последнем – ставшим итоговым – сборнике представлены произведения разных лет – от 1970-х до 2009 г., пронизанные мотивами воспоминания, разлуки, ухода... Но и веры, и потому большинство стихотворений поэта

не унылые, а жизнерадостные: *Над пространством я справлю победу,*

Все дела отложу на потом... И приеду, сестрёнка, приеду В нашу Лугу, в родительский дом. Время прочь! Мы с тобой не старушки –

Две девчонки, печаль потуши, Две родные смешные подружки, Два сердечка, две чистых души...

Людмила Прозорова – поэт раздольного и безраздельного русского чувства. Однако эти прекрасные черты её лирики не переходят в его навязчивость, сопровождаемую чрезмерным количеством восклицательных знаков; раздолье властвует в упругой глубине строк, в вескости и сочности слова, в заботливой любви, в одухотворении всего живого и сущего: *Осенняя осина пожаловала в гости,*

И жёлтые листочки осыпали порог... Моей души воздушной я протянула мостик, Чтоб каждый, кто захочет, ко мне добратся смог.

Маленькой девочкой она пережила самую страшную войну, отпила свою долю из чаши страданий блокадного Ленинграда. Её стихи-воспоминания о той поре притягательны не только точными приметами войны, но и пронизывающей грустью, забыванием того, что пришлось ей самой изведать и испытать:

Меня Нева встречала, Блокадная Нева. Волна в бидон стучала, И мокли рукава,

Александр БОЙНИКОВ,
член Союза писателей России,
г. Тверь

*И пальчики замёрзшие
Впивались в жёсть.
Застыла челка ёршиком
И на гору не влезть.
Скользили ноги-спички,
Тропинка – голый лёд...
Не плёскайся, водичка,
Большая мама ждёт!*

Осаждённый фашистами Ленинград стал уникальным символом стойкости нашего народа в Великой Отечественной войне, неколебимой твердыней национального духа. А в душе и памяти «маленьких очевидцев, последних из могикиан» остались и воющая сирена, и «на крыше дежурные боги: // Гасит пламя ночная смена», и то, как они «из тёплой полной снов постели, // Из комнат, где цветы цвели, // В бомбоубежища и щели // Мы вместе с бабушками шли». Цена такого лично выстраданного, вырванного у немецких бомб, снарядов и пуль жизненного опыта безмерна: «Ну что же, мы зато узнали, // Что значит выжить в трудный год, // Что значит: “Родина за нами!” // И что такое наш народ».

Установка поэта на свободную откровенность с читателем ещё более ощутима в стихотворениях, объединённых в книге «Ау...» под общим названием «Исповеди». Двенадцать лирических (продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

монологов, написанных от лица черепахи, бабочки, рыбы, кошки, дождя, грома, ветра, белой вороны, пчелы, собаки, коня и крысы. В каждом из них в разных внешних обликах воплощено лишь одно счастье – самообретение, осознание самого себя необходимой частицей мироздания. Да, частицей, совсем крошечной субстанцией, но извлеки её – и стройность мироздания поколеблется: «Ты мой возлюбленный рыбак, // Я золотая рыбка, // Ты мой изысканный чудак, // А я твоя улыбка» («Рыба»). Чудак без улыбки – неестественен.

Одна из самых вдохновенно-дерзких исповедей Л. Прозоровой – «Собака». Начинающаяся словами: «Понимаешь: я старая сука, // Я свободна, ничья и одна», она образно близка есенинскому шедевр «Песнь о собаке». Но если С. Есенин с глубочайшим трагизмом вочеловечил ничем не утешаемое горе собаки-матери, лишённой попранием принципа «не убий» святой радости материнства («Покатились глаза собачьи // Золотыми звёздами в снег»), то Л. Прозорова, напротив, поёт гимн неистребимой жизнестойкости: Ну, а если и не околею,
До весны, до тепла дотяну,
Я на солнце ещё разомлею,
Обегу всю мою сторону.

И наградой за это жизненное, оправданно нагруженное натуралистической деталью, будут любовь и полнокровный апофеоз жизни – божественное счастье продолжения рода: Ничего, что ни кожи, ни рожи,
И на запах придут кобели...
Ну, а если Всевышний поможет,
Справим свадьбу в дорожной пыли.

Полетит вся округа собачья,
По лесам и полям полетит!
И случится: мордашка щенячья
У соска моего заскулит...

«Ау...» – чего больше в таком неожиданном названии? Желание выразить по-детски озорное восприятие мира или крик одинокого

сердца, страдающего среди дебрей жизненной отчуждённости? А мне думается, в тихом «ау...» (без восклицательного знака) раскрылась чистая непосредственность ребёнка и умудрённость женщины, понимающей, что не всё в этом мире вечно. И зрелость поэта, который видит своё творческое призвание в том, чтобы спланировать людские души, щедро наделять их добротой, вливать в жилы уставших и разуверившихся энергию любви и надежды... Я знаю, что мартовский снег
непрерывно растает,
Но будет апрель, как надежда на
счастье и свет,
И май расцветёт, птаха так
вдохновенно взлетает,
Хлопочет и кормит птенцов и,
конечно, поёт...

Людмила Прозорова – подлинный лирик, владеющий сложным искусством психологизма, которое позволяет ей индивидуализировать типичные эмоциональные настроения и одновременно типизировать впечатления индивидуальные. Она пишет вроде бы о себе («Меня занесло, как осенний листок, // На землю прекрасную эту...»), но для многих: Я вспомнила себя сегодня молодой!
Как много слёз и горьких, и
горячих...
Иду я на колодец за водой,
А память что-то солнечное
прячет.

Недаром в её стихотворениях заметен мотив единения – с друзьями, с природой, с любимым человеком, с землёй, небом и Вселенной: Я думаю порой: разгадка в нас,
Мы сами – часть великого
свершенья,
Пройдя себя, в какой-то
звёздный час
Мы переступим смерти
притяженья.

Радости и беды земного пути осознаются поэтом как высший долг человеческого бытия, не позволяющий, несмотря на фатальную предопределённость единичных финалов, прерывать извечное течение всеобщей жизни: И заранее, зная участь,
Кто-то снова готов бежать,

Удивляясь, любя и мучась,
На последней версте упасть.
Протянуть к дальним далям руки,
Чтоб другой на лету схватил
Все тревоги твои и муки
И пошёл...

Сколько хватит сил.

Стихотворения Л. Прозоровой вобрали в своё лоно всё многообразие духовного и материального мира. В её пейзажных зарисовках человек и природа сосуществуют на равных, как два познающих друг друга начала. Кто ещё может прозреть существенную разницу между первым и последним снегом? Людмила Фёдоровна сумела: Первый снег, конечно, самый
белый!

Мы ему так рады, как весне.
Он ещё и тихий, и несмелый,
И ненастоящий, первый снег.

К тому же «первым снегом и не уколоться...» и радуемся мы ему совсем необычно – «как весне». А вот последний снег: В апреле шёл последний снег,
Беспомощный и безнадежный,
Ложился ветхою одежкой
И утешался: не навек...

И он, «шутя пришёл, шутя пропал // Колочих зимних выюг наследник». А вообще, зима и снег в стихотворениях поэта олицетворяют свежесть и обновление чувств, высвечивают белизну помыслов, обостряют философское отношение к окружающему... Река остановилась, стала,
Застыла или замерла.
Река прозрачной сушей стала
Из разноцветного стекла.
Но есть ещё на дне течение,
Часов не остановлен бег,
Речное вечное мученье
И счастье всех на свете рек.

Звуки, цветы и запахи природы на её творческой палитре напоминают красочную карусель: от стихотворения к стихотворению сменяют друг друга снег и дождь, гроза и солнце, хоровод цветов, деревьев и времён года...

(окончание на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

И также прихотливо, в связке с природными стихиями вьются в полёте впечатления, эмоции и настроения:
*Разбегается зелень по свету,
 Зажигается свет в небесах,
 Как подарок грядущему лету,
 Как полёт в самых сладостных снах.*

*Это снова подросток Надежда
 Тянет руки к уставшим сердцам...
 А весна хороша, как и прежде,
 Подпеваёт пернатым певцам.*

Переживание полноты человеческого самостояния в слиянии естественности души с естественностью бессмертной природы и помогает поэту отворить себя навстречу искомой и обретаемой гармонии.
*Не грусти, не думай, нет, не надо,
 Не ищи разгадку бытия –
 Просто будь, как летняя прохлада,
 Как желанный дождь и как земля.*

Имея возможность жить в Москве, Людмила Прозорова на рубеже веков неожиданно переселилась в деревню Шестино Калининского района:
*Моя добровольная ссылка –
 Бревенчатый старенький дом...
 Последняя, может, развилка
 На свете на этом и том.*

В деревне – все и всё всегда на виду, и вполне логично, что в книге «Ау...» удручающе достоверно нарисован портрет современной российской деревни. И чему радоваться, если
*Деревенский люд вечно пьян,
 Кто не пьян, у того изъян...
 Поработал, потом попил,
 А попил, так жену избил.*

И как им не пить, когда кругом «всё те же понурые села, // Всё та ж непролазная грязь, // Всё тот же мотивчик весёлый // О том, как затаплива вязь // Наличников и палисадов...» Пьянство современной деревни – болезнь России, и пьют русские люди от безнадёжности и окончательной утраты веры в день завтрашний. Эта мысль, правда, у Л. Прозоровой не звучит; ей важно донести до своих читателей иной

факт, передать им иной настрой: деревня ещё жива, жива всем тем, что сохранилось в генетических запасниках её обитателей. Неизбывен русский крестьянский труд, а, вернее, священнодействие труда:
*Взмокла рубаха от пота,
 Это сегодня и встарь,
 В общем-то, просто работа:
 В клеверной пойме косарь.*

*Как он красив и ритмичен,
 Как напевает коса,
 Как же их танец привычен,
 Как феерична роса...*

Наверное, в столице она просто не смогла бы написать таких лучистых, добросердечных стихотворений, прозрачных как весенний воздух, свежих, как первая гроза... Фольклорная образность многих строк Л. Прозоровой не столько органичный компонент стилистики, сколько воплощённая русская душа, питающаяся живительными токами народной культуры:
*Всё морозы, да заносы, да метели
 На деревню на мою поналетели...
 И сидят и слепо шурят избушки,
 Все в снегу они по самые по ушки.
 И в такую вот метель и заваруху
 На крылечко ты не выманишь старуху,*

*Громыкает в дверь мой милый, ой
 колотится...
 А прогонишь, так и снова он
 воротится.*

Её стихам порой свойственна добрая ирония; тогда обычные вещи и положения вдруг выставляются в новом, вызывающем улыбку свете... «И все мы одуванчики, // И все мы облетим». Грустновато, но верно. Но остаётся искусство слова, смысл которого для поэта так же чист и прозрачен, словно родниковая вода:
*На последнем витке, на сниженьи,
 Был полёт – есть посадка (увы!)
 Написать бы мне стихотворенье,
 Чтоб смеялись и плакали вы...*

Откройте книги Людмилы Прозоровой, и они, как верные друзья, не обманут ваших ожиданий.

Выиграла грант «Тавриды»

Одним из победителей конкурса очередной смены-форума молодых деятелей культуры и искусства «Таврида 5.0» признана представительница Тверской области Наталья Пацевич. Она получит 200 тысяч рублей на реализацию проекта «Цифровая обработка экспедиционных записей из архива народного самодеятельного коллектива, фольклорного ансамбля «Славяночка» Тверского государственного университета».

• Редкие песни

Рос на опушке рощи клен

Слова Я. Шведова
Музыка В. Макарова.

Рос на опушке рощи клен,
 В березку был тот клен влюблен.
 Березка к другу на плечо
 Не раз склонялась горячо.

Березку часто в летний зной
 Клен укрывал своей листвою,
 Над ними пели до звезды
 Весной веселые дрозды.

На рощу как-то пал туман,
 Ворвался грозный ураган.
 Березку белую любя,
 Клен принял вихри на себя.

Шумит, растет кудрявый клен.
 Одной березке верен он.
 И лишь для клена каждый год
 Березка стройная цветет.

ПОДВИГ ПОЛИГРАФИСТОВ

В конце июня 1941 года, придя с работы, директор Великолукской городской типографии Василий Цветков сообщил супруге:

- Лена, меня вызвали в Калинин.
- Надолго?

- Не могу сказать. Если немцы подойдут к городу, срочно уезжай с сыном в Андреаполь.

Предупрежденная телеграммой, в Андреаполе к поезду вышла мать Дарья Андреевна.

- Иду на такое, что, может, и жизнь придется отдать, - сказал Василий. - Очень прошу, не оставьте с отцом без внимания Лену и Васю.

Немцы ворвались в Великие Луки первый раз 19 июля, но через двое суток их выбили части нашей 22-й армии под командованием Ф.А. Ершакова. Оборона города продолжалась до 23 августа, когда он был захвачен вторично и надолго.

Возвратившийся из Калинина Цветков, его друг печатник Егор Колпаков и еще несколько рабочих успели вывезти из типографии линотип, кассы со шрифтами и другое оборудование и в надежном месте его закопать. Едва они это сделали, как во время ночной бомбежки типография сгорела.

Обосновываясь в городе, немцы решили ее воссоздать. Об этом Цветкову сообщил Колпаков. Вскоре оставшиеся в Великих Луках работники типографии наборщица Антонина Гусева, печатники Егор Колпаков, Родион Богданов, корректор Надежда Нечаева во главе с Цветковым явились в комендатуру с заявлениями о приеме на работу.

В начале сентября Гусева и Колпаков по указанию комендатуры поехали в захваченный Торопец за шрифтом, печатными машинами и другим оборудованием, и в конце месяца типография возобновила работу. Прошло немного времени, и в городе стали появляться листовки. В одной из них сообщалось:

«Товарищи великолучане! Гитлеровские палачи готовятся всех вас угнать в Германию. Там ждут вас каторжные работы. Чтобы избежать германской каторги, не являйтесь на биржу труда! Уклоняйтесь всеми силами от угона в немецкое рабство, прячьтесь, скрывайтесь в лесах. Красная Армия скоро придет и освободит вас. Близится час освобождения!»

Враги даже представить не могли, что листовки изготавливаются в сотне метров от комендатуры, а руководит этим внешне демонстрирующий лояльность к оккупационной власти Василий Цветков.

Гусева, Колпаков, Богданов, Нечаева встречались по ночам в маленьком деревянном домике на улице Октябрьской, где проживал директор. Сюда они тайком доставили выкопанные кассы со шрифтами (в целях конспирации было решено отказаться от шрифтов новой типографии), радиоприемник, по которому слушали сводки Информбюро.

Текст листовок писал Цветков, Гусева тут же его набирала, Нечаева корректировала. Утром Гусева, уже из своей квартиры, шла в типографию с готовым набором. После печати листовки выносили в сумках или вывозили на саночках под ворохом грязных халатов, предна-

значенных для стирки в прачечной.

Действовали предельно осторожно. Гестаповцы неоднократно устраивали в типографии обыски, но ничего подозрительного не обнаруживали. Ведь даже бумага для печатания листовок использовалась не газетная, а грубая, оберточная.

16 января наша 4-й ударная армия освободила Андреаполь, следом Торопец. Великолучане с нетерпением ожидали прихода Красной Армии. Была распространена листовка:

«Товарищи рабочие, служащие и все трудовое население города Великие Луки! Настал час нашего освобождения от фашистских захватчиков. Приложим все силы к тому, чтобы ни одного гитлеровского ставленника не осталось как в городе, так и на всей советской земле.

Сплотимся воедино и поможем нашей доблестной Красной Армии!»

Однако выступление наших частей замедлилось, а гестапо организовало повальную охоту за подпольщиками. Вскоре многие из них оказались в руках палачей. Нависла угроза ареста и над полиграфистами.

В типографии появился новый ученик. Колпаков подумал, что это агент гестапо. Утром 18 февраля,

(окончание на стр. 14).

(начало на стр. 13).

в предощущении опасности, он отдал жене партбилет, попросив его спрятать, и отправился на работу. Там его арестовали гестаповцы. В тот же день были арестованы Цветков, Гусева, Нечаева, Богданов. При обыске у Колпаковых немцы обнаружили партбилет Егора Гавриловича и листовку...

Арестованных подвергали зверским пыткам. Вот фрагмент из книги «Великие Луки 800», вышедшей в 1966 году: «В кабинет следователя Шоля привели руководителя группы Василия Цветкова. Кроме Шоля и переводчика, в кабинете находился провокатор. Василия Илларионовича держали отдельно от остальных – в крошечной холодной одиночке на втором этаже. Измученный пытками, он едва стоял на ногах. Его лицо и одежда были в крови.

- Да, это Василий Цветков, подтвердил провокатор.
- Листовки, распространявшиеся в городе, - это его рук дело.

- Если будешь молчать, тебя повесят. Кто твои сообщники? – в который раз спрашивал Шоль.

- Мне не страшно умереть, - ответил Цветков. - Я знаю, что жил и боролся не зря. Одного жаль: не увижу, как петлю затянут на твоей фашистской шее...

В ответ последовал град ударов резиновыми дубинками и сапогами...

18 марта гестаповцы привезли в типографию Гусеву и Колпакова, заставив их набрать и отпечатать приказ о расстреле большой группы патриотов, в том числе пятерых полиграфистов.

Через щель в окне Егор Гаврилович сообщил жене: - Завтра нас поведут на расстрел.

Метрах в ста от выкопанной траншеи стоял дом. Колпакова и четыре других женщины (матери и жены тех, кого оккупанты приговаривали к расстрелу) с чердака увидели, как приняли смерть герои великолукского подполья, и

среди них Василий Илларионович Цветков. Спустя двадцать лет после войны подвиг погибших полиграфистов будет отмечен орденами Отечественной войны I и II степени.

Примечательно, что Цветков родился на андреапольской земле, в деревне Глазово (ныне она не существует). Наборное дело освоил во время службы в Красной Армии. После демобилизации некоторое время работал в Ленинском (Андреапольском) промкомбинате. Когда в райцентре открылась типография, поучившись на курсах, стал ее директором, затем был переведен в Калинин на должность инструктора областного управления печати. В марте 1938-го последовало новое назначение – директором Великолукской типографии.

Надеюсь, на публикацию откликнутся родственники Василия Илларионовича Цветкова.

С. Николаев

На снимке: В.И. Цветков

СЕЛО ОСЕЧНО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

ТРОИЦКАЯ родительская суббота, 15 июня. В селе Осечно Вышневолоцкого района проходят традиционные, уже 18-е по счёту Соловьёвские чтения. Новшество нынешнего года – предшествующий им поэтический конкурс «Соловьёвская строфа». Участников конкурса, как говорят организаторы, чуть больше тридцати (вышли в финал 19), но среди них уже «затесались» и сибиряк, и белорус...

Всё организуют и оплачивают вышневолочане. И недешёвый альманах прошлогодних чтений с обилием цветных вставок: после очерка по истории села портреты и похвалы участников чтений ка-

жутся в нём явно лишними. И питательную гречневую кашу с чаем (соус и сахар не предполагаются): противопоказаний к такой здоровой пище, похоже, нет ни у кого. И бесплатные для участников чтений автобусы вышневолочане подают не только для «своих», но и для тверских. Отдельное спасибо: мы прикатили и возвращались во благо.

Летний день под открытым небом (дождик подумал-подумал и решил не мешать) для приехавших сюда в первый раз ненавязчив и интересен. Некая композиция с участием школьников и красивой половины районной администрации уверенно проводит кратчайшую прямую от А.С. Пушкина (это его 220-летию посвящено состоявшееся пиршество духа) до Владимира Со-

ловьёва, три часа непрерывно звучат стихи (самого В. Соловьёва, считают студенты, хотелось бы услышать побольше, и я живо с ними соглашаюсь), обмен книгами, мнениями, положительными эмоциями...

О людях, связанных с селом Осечно, приехавшим впервые известно, как правило, негусто.
(окончание на стр. 15).

(начало на стр. 14).

Здесь начинал свою священническую карьеру небезызвестный Матфей Константиновский – последний духовник Гоголя: это из-за него писатель сжёг 2-й том своих «Мёртвых душ» и умер ужаснувшей их современников смертью. Сейчас Троицкий храм, в котором служил о. Матфей, – церковь 18 века с некогда золочёным резным иконостасом – в лесах, и пригласившая нас (мы выступали в Вышневолоцкой районной библиотеке) Вера Верховенская проводит близ него эмоциональную экскурсию. А о. Андрей, в миру, как я понимаю, строитель, служит литию по всем умершим православным прямо на могиле Владимира Соловьёва.

Автор надгробного памятника поэту в виде лиры – известный (и недавно тоже ушедший в мир иной) скульптор Николай Силис, фигура в 20 веке известная и по-своему трагическая. Не удивлюсь, если когда-нибудь экскурсии будут водить и по его вышневолоцким местам: памятник погибшим односельчанам в виде вечного огня – это его авторская работа. Сын расстрелянного осенью 1941 года (когда немцы подходили к Москве) латышского стрелка, ребёнком он был отправлен в Осечно. Выжил там, по его собственному признанию, на картофельных очистках. Стал известным столичным монументалистом. Но госпартконтроль быстро определил его в идеологические диверсанты,

и работы его в буквальном смысле разрушали отбойным молотком. Жить помогало участие в фильмах (к примеру, роль шинкаря! в фильме известного советского режиссёра «Вечер на Ивана Купала»), но в творчестве пришлось переориентироваться на камерную скульптуру. Одна из технических находок Силиса – полированная бронза – восхищает даже его «продвинутых» в мировом искусстве коллег.

В сельской библиотеке – теперь она, понятное дело, носит имя Владимира Соловьёва – с упоением рассказывают о дружбе поэта и скульптора: две родственные души надолго нашли здесь друг друга. Районная администрация профинансировала уже третье издание сборника стихотворений Владимира Соловьёва «Моё Осечно». Забыть имя прекрасного русского поэта не только не захочется, но и не получится.

И всё же в хор радости вплетаются нотки печали. Состав жюри конкурса удалось узнать только в ходе праздника: из членов Союза писателей России это вышневолочанин Борис Рапопорт, тверичанки Вера Грибникова (она провела мастер-класс для желающих: преимущественно молодых) и Наталия Лосева (об отсутствующих мы не говорим). Судили конкурсные стихи, признаются двое из них, под номерами, без фамилий авторов, – то есть подозревать желание «порадеть родному человечку» не прихо-

дится. Что ж, непредвзятость всегда красива. Но при этом среди участников – интеллектуальный местный поэт, «другой» Владимир Соловьёв, во избежание путаницы называющий себя Володей. А также поэт и переводчик Шекспира, Аполлинера и Одена Виталий Карпов из Удомли (вы не поверите, но редкая для региона книга его «Мёд и полынь» существует всё ещё в доиздательском варианте). А ещё – удомельский краевед Алексей Крючков, по крупицам собравший не издававшиеся до сих пор стихи «виновника праздника»: родом Владимир Соловьёв из Сосновицы Удомельского района. Почему бы не помечтать увидеть в жюри именно этих людей! Равно как и узнавать, кто будет «жюрировать», уже на стадии публикации положения о конкурсе: это примерно два месяца до «Соловьёвской строфы». Отзывчивому председателю оргкомитета Наталье Фёдоровой сидеть без дела всё равно не пришлось.

Хочется думать, что в будущие годы «совместят приятное с полезным» и другие, знавшие село Осечно только как точку на карте Тверского края. А пока... Владимиру Соловьёву и Николаю Силису – вечная память. Нежадной администрации спасибо. А жадные до долгих удовольствий местные барды остаются ещё и на ночные «бдения».

Татьяна Михайлова

г. Тверь

«Сиреневое Домотканово»

В усадьбе Домотканово (Калининский район, деревня Красная Новь), где находится единственный в России мемориально-художественный музей Валентина Александровича Серова, стало традицией проводить праздник «Сиреневое Домотканово».

По случаю праздника только на один день в залах отреставрированного усадебного дома были представлены подлинные работы Валентина Серова, созданные в Домотканово.

В разных уголках тенистого парка посетителей ждали творческие площадки и мастер-классы в традиции русских ремёсел. В «Поэтической беседке» моло-

дые поэты читали как свои стихи, так и произведения классической русской поэзии. Здесь же можно было послушать уникальные патефонные записи вокалистов начала XX века и купить сувенирную продукцию и изделия народных промыслов.

В концертной программе принимали участие артисты Тверской филармонии и областного театра драмы.

В течение всего праздника зрители могли наблюдать за работой художников – участников традиционного живописного пленэра.

На снимке: репродукции картин Валентина Серова выставлены там, где и были написаны.

Золотой запас

Алексей Сурков

(1899-1983)

* * *

В печи пылают весело дрова,
К полуночи окончена работа.
Из тишины ночной едва-едва
Доносится гуденье самолета.

Еще листок в календаре моем
Лег на душу, как новая нагрузка.
Кто объяснит мне – почему подъем
Бывает легче медленного спуска?

К чему пустые домыслы?

Светла

Луна в своей нарядной звездной
раме.

Не надо думать – молодость
ушла...

Подумай, что весна не за горами.

Марк Лисянский

(1913-1993)

ПОЭЗИЯ

Не пост, не чин и не профессия –
Она превыше всяких благ.
И потому она – поэзия,
Всё лучшее зовётся так.
И что ей милости и почести,

И жалкий лепет похвалы!
Она не терпит одиночества
И не выносит кабалы.
Не божество и не реликвия –
Она, как долг, зовущий в бой,
Как бескорыстие великое,
Как вечный спор с самим собой.
Лжецам и трусам негодная,
Всем честным людям верный друг.
И потому она – народная,
Святое дело наших рук.
Как воздух и как хлеб полезная,
Туда, где душно и темно,
Приходит запросто поэзия
И открывает в мир окно.

Иосиф Уткин

(1903-1944)

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ ДОРОГАЯ...

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это - другая.
Это значит... сырая земля.

Это значит, дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю.
Только вами и счастлив я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

Сергей Марков

(1906-1979)

ПРЕДКИ

Вставали с плачем от ржаной земли,
Омытой неутешными слезами.
От Костромы до Нерчинска дошли
И улыбались ясными глазами.

Просторы открывались, как во сне.
От стужи камни дикие трещали,
В Даурской и Мунгальской стороне
Гремели раскалённые пищали.

Тревожно спали у глухой воды.
Им снег и хвоя сыпались на спины,
Им снились богдыханские сады,
Кричали златогорлые павлины.

Шли на восход... И утренний туман
Им уступал неведомые страны.
Для них шумел Восточный океан,
Захлёбывались лавою вулканы.

Могилы неизвестные сочти!
И не ответят горные отроги,
Где на широкой суздальской кости
Построены камчатские остроги.

Хвала вам, покорители мечты,
Творцы отваги и суровой сказки!
В честь вас скрипят могучие кресты
На берегах оскаленных Аляски.

В земле не тлеги строгие глаза,
Что были глубоки и величавы;
Из них росла упругая лоза,
Их выпили сверкающие травы.

И наяву скитальцы обрели
Перо жар-птицы в зарослях сандала.
Мне чудится – на гряды из коралла
Холщовые котомки полегли!